

Цифровые права как объекты гражданских прав в России

Аннотация. На основе комплексного исследования и анализа теоретических положений и частноправового регулирования выявлены специфические особенности дефиниции цифровых прав как объекта гражданских прав и дана оценка появлению в законодательстве нового для отечественного гражданского права понятия «цифровые права». Особое внимание уделено формулировке понятия цифровых прав, содержащейся в ГК РФ. Выявлены основные проблемы, породившие многочисленные дискуссии в науке гражданского права относительно легального определения цифровых прав. Обращено внимание на то, что по действующему гражданскому законодательству РФ к цифровым правам относятся только те, которые прямо названы в качестве таковых в законе. На основе системного анализа действующего законодательства и доктринальных положений в исследуемой сфере сформулирован вывод об ограничении в оборотоспособности цифровых прав. Рассмотрены принятые федеральные законы о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о цифровых финансовых активах, проанализированы утилитарные цифровые права и цифровые права, которые относятся к цифровым финансовым активам. Обращается внимание и на иные проблемы, возникающие вследствие модернизации гражданско-правового регулирования общественных отношений в области цифровых прав, например относительно порождающих многочисленные дискуссии противоречий в используемой законодателем терминологии (в частности, «информационные системы» при определении категории «цифровые права»), и предложены возможные механизмы их преодоления. Сформулирован вывод о значении появления в отечественном гражданском законодательстве норм о цифровых правах, свидетельствующих о стремлении законодателя своевременно реагировать на вызовы трансформирующейся цифровой действительности, что послужит необходимой предпосылкой для дальнейшего регулирования стремительно меняющихся под ее влиянием гражданско-правовых отношений.

Ключевые слова: цифровизация; цифровые права; гражданское право; объекты гражданских прав; информационная система; правила информационной системы; утилитарные цифровые права; инвестиционная платформа; краудфандинг; цифровые финансовые активы.

Для цитирования: Мограбян А. С. Цифровые права как объекты гражданских прав в России // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 10. — С. 141–147. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.141-147.

© Мограбян А. С., 2022

* Мограбян Армине Самвеловна, кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доцент кафедры медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Ленинградский пр-т, д. 49, г. Москва, Россия, 125167
rtif@inbox.ru

Digital Rights as Objects of Civil Rights in Russia

Armine S. Mograbyan, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activities, Financial University under the Government of the Russian Federation; Associate Professor, Department of Medical Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Leningradsky prospekt, d. 49, Moscow, Russia, 125167
rtif@inbox.ru

Abstract. Following a comprehensive study and analysis of theoretical provisions and private law regulation, the author identifies specific features of the definition of digital rights as an object of civil rights and assesses the emergence of the new concept of «digital rights» for domestic civil law in the legislation. Particular attention is given to the wording of the concept of digital rights contained in the Civil Code of the Russian Federation. The main problems that gave rise to numerous discussions in the science of civil law regarding the legal definition of digital rights are identified. Attention is drawn to the fact that, according to the current civil legislation of the Russian Federation, digital rights include only those that are directly named as such in the law. Following a systematic analysis of the current legislation and doctrinal provisions in the area under study, the author concludes that the transferability of digital rights is limited. The adopted federal laws on attracting investments using investment platforms and on digital financial assets are considered, utilitarian digital rights and digital rights that relate to digital financial assets are analyzed. Attention is also given to other problems that arise as a result of the modernization of civil law regulation of public relations in the field of digital rights, for example, regarding the contradictions in the terminology used by the legislator that give rise to numerous discussions (in particular, «information systems» when defining the category «digital rights»), and possible mechanisms to overcome them. The conclusion is made about the importance of the appearance in the domestic civil legislation of norms on digital rights, indicating the desire of the legislator to respond in a timely manner to the challenges of the transforming digital reality, which will serve as a necessary prerequisite for further regulation of civil law relations that are rapidly changing under its influence.

Keywords: digitalization; digital rights; civil law; objects of civil rights; information system; information system rules; utilitarian digital rights; investment platform; crowdfunding; digital financial assets.

Cite as: Mograbyan AS. Tsifrovye prava kak obekty grazhdanskikh prav v Rossii [Digital Rights as Objects of Civil Rights in Russia]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(10):141-147. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.141-147. (In Russ., abstract in Eng.).

В условиях стремительного развития цифровых технологий подвергаются трансформации как экономические, так и правовые отношения, в связи с чем возникает необходимость в совершенствовании их нормативно-правового регулирования. В эпоху всеобъемлющей цифровизации изменения коснулись в том числе и отечественного гражданского права, о чем свидетельствуют последние изменения в гражданском законодательстве Российской

Федерации. Так, с 1 октября 2019 г. вступила в силу статья 141.1 ГК РФ¹, которая называется «Цифровые права». Данная статья была введена Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ² с целью адаптировать действующее гражданское законодательство России под изменяющиеся под влиянием цифровизации общественные отношения, в частности для принятия законов о цифровых финансовых активах³ и о привлечении инвестиций с использованием инвести-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238–239.

² Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 2019.

³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 2020.

ционных платформ⁴. Включение в Гражданский кодекс РФ нормы о цифровых правах является свидетельством их признания в качестве особого вида гражданских прав⁵. Соответствующие изменения были внесены и в ст. 128 «Объекты гражданских прав» ГК РФ, в соответствии с которой в качестве одной из разновидностей имущественных прав, наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами, названы «цифровые права». Вместе с тем следует отметить, что выбранная законодателем формулировка понятия цифровых прав вызвала многочисленные дискуссии в науке гражданского права, которые продолжаются по сей день.

Большинство исследователей справедливо отмечают, что введение в Гражданский кодекс РФ цифровых прав в качестве одного из объектов гражданских прав порождает множество вопросов и проблем. В частности, Л. А. Новоселова справедливо критикует используемый в Гражданском кодексе РФ термин «цифровое право» в связи с его применением в значении технического термина «токен, к которому привязана информация об имущественном праве»⁶, без пояснения содержания самого права. Цифровые права понимаются законодателем в узком значении. Легальное понятие «не охватывает все объекты, преобразованные для целей совершения сделок или реализации иных прав в цифровую форму и использующиеся на различ-

ных по функционалу технологических платформах»⁷. Интересна позиция С. В. Сарбаша, который, отмечая дискуссионность понятия цифровых прав в цивилистической науке, считает, что оно не ново для гражданско-правовой науки. По его мнению, цифровое право представляет собой исключительно форму любого существующего права (будь то вещное, обязательственное, корпоративное, исключительное либо личное право), а цифровизация — это только метод оформления соответствующего правоотношения, а не его содержание⁸. Пожалуй, сложно с этим не согласиться. Сходной точки зрения придерживаются Б. М. Гонгало и Л. А. Новоселова, которые отмечают неудачность выбранного законодателем наименования для объекта гражданского права, поскольку оно создает путаницу и наводит на мысли о появлении нового вида права. Однако, по сути, это не новая разновидность права, а «особый способ фиксации, влияющий на свойства закрепленного права»⁹. М. А. Рожкова также солидарна с мнением о несостоятельности введенной в Гражданский кодекс РФ дефиниции цифровых прав в действующей редакции, поскольку введение в законодательство любого нового понятия должно иметь за собой определенную цель для правоприменения, однако «в данном случае эта цель в процессе разработки новых законов была утрачена, вследствие чего понятие “цифровые права”, очевидно, стало лишним»¹⁰.

⁴ Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 2019.

⁵ Петров Д. А., Попондопуло В. Ф., Силина Е. В. Товарные рынки в условиях цифровизации экономики // Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. С. 265.

⁶ Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. И., Генкин А. С., Сарбаш С. В., Асосков А. В., Семенов А. В., Янковский Р. М., Журавлев А. В., Толкачев А. Ю., Камелькова А. В., Успенский М. А., Крупенин Р. А., Кислый В. А., Жужжалов М. Б., Попов В. А., Аграновская М. А. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.

⁷ Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. И. [и др.]. Указ. соч.

⁸ Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. И. [и др.]. Указ. соч.

⁹ Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 188.

¹⁰ Рожкова М. А. Цифровые права (digital rights) — что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? // Закон.ру. 2020. 17 августа. URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_digital_rights__chto_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni (дата обращения: 27.02.2022).

Анализ действующего гражданского законодательства позволяет заключить, что использованное в Гражданском кодексе РФ понятие «цифровые права» является довольно узким и, судя по легальному определению, охватывает только «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам» (ст. 141.1). В приведенной дефиниции можно выделить ряд ограничений по отнесению прав к цифровым. Во-первых, они должны быть названы в качестве таковых в законодательном акте. Во-вторых, требуется определение их содержания и условий их осуществления в соответствии с правилами информационной системы. В-третьих, требуется соответствие такой информационной системы законодательно установленным признакам. Следует обратить внимание и на предусмотренную законом возможность осуществления, распоряжения либо ограничения распоряжения цифровым правом исключительно в информационной системе, причем для этого не требуется обращение к третьему лицу (ч. 1 ст. 141.1 ГК РФ). По общему правилу, обладателем цифрового права признается лицо, которое может им распоряжаться согласно правилам информационной системы. Исключения составляют предусмотренные законом случаи и определенные основания, когда обладателем цифрового права признается другое лицо (ч. 3 ст. 141.1 ГК РФ). Вместе с тем, когда основанием перехода цифрового права является сделка, согласие обязанного по такому праву лица на переход не требуется (ч. 3 ст. 141.1 ГК РФ). Таким образом, анализ ст. 141.1 ГК РФ позволяет утверждать о законодательном ограничении в оборотоспособности цифровых прав.

В настоящее время цифровые права упоминаются во вступившем в силу с 1 января 2020 г. Законе о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ. В частности, к предусмотренным законом цифровым правам

отнесены перечисленные в нем «утилитарные цифровые права: 1) право требовать передачи вещи (вещей); 2) право требовать исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг» (ч. 1 ст. 8). При этом перечисленные права признаются утилитарными цифровыми, лишь если основанием их первоначального возникновения в качестве таковых послужило заключенное с применением инвестиционной платформы согласно законодательно установленным правилам соглашение о приобретении такого права (ч. 3 ст. 8). Вместе с тем не могут быть утилитарными цифровыми право требовать имущество, права на которое подлежат: 1) государственной регистрации; 2) нотариальному удостоверению; 3) государственной регистрации и нотариальному удостоверению (ч. 2 ст. 8). Анализ указанной статьи наводит на мысль, что, наряду с государственной регистрацией и нотариальным удостоверением, в законе появилась еще одна форма удостоверения имущественных прав — цифровая. Вместе с тем данная концепция не согласовывается с конструкцией ст. 128 ГК РФ, в которой цифровые права названы в качестве разновидности имущественных прав, наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами. В этой связи справедливо мнение А. В. Асоскова, который полагает, что законодатель сформулировал новый, наряду с бездокументарными ценными бумагами, способ удостоверения имущественных прав¹¹. Иного мнения придерживаются Б. М. Гонгало и Л. А. Новоселова, с точки зрения которых основным условием, при котором гражданские права могут быть признаны самостоятельным объектом, является наличие особых признаков таких прав, определяющих необходимость «установления специального правового режима, не сводимого к режиму известных объектов»¹². Вместе с тем сложно не согласиться с утверждением Б. М. Гонгало и Л. А. Новоселовой о том, что о

¹¹ Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. И. [и др.]. Указ. соч.

¹² Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Указ. соч. С. 187.

цифровых правах как об отличном от известных, нетрадиционном объекте гражданских прав, позволяет говорить их особенность, которая проявляется в иной, нетрадиционной системе учета, а также в специфике подтверждения в ней прав. Ведь по общему правилу правообладателем является лицо, которое может распоряжаться этим правом в силу того, что у него есть доступ к соответствующей информационной системе¹³.

В рамках реализации ст. 141.1 ГК РФ был принят еще один законодательный акт — Закон о цифровых финансовых активах, который вступил в силу с 1 января 2020 г. (отдельные положения — с 10 января 2020 г.). В нем предусмотрена еще одна, помимо утилитарных, разновидность цифровых прав — цифровые финансовые активы.

Цифровые финансовые активы — это «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы»¹⁴. Как видим, законодатель отграничил утилитарные цифровые права, которые не могут распространяться на денежные требования, от цифровых финансовых активов, которые не могут распространяться на вещи, работы, услуги и результаты интеллектуальной деятельности. Вместе с тем, в соответствии с обновленной редакцией ст. 8 Закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ, с 1 января 2021 г. предусмотрены: 1) возможность приоб-

ретения и отчуждения цифровых финансовых активов, а также цифровых прав, включающих одновременно утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы, в инвестиционной платформе; 2) возможность осуществления сделок с утилитарными цифровыми правами через оператора обмена цифровых финансовых активов. Но в Законе о цифровых финансовых активах содержатся ограничения для кредитных организаций, в частности, они не могут выполнять функции операторов инвестиционных платформ. В этой связи справедливо мнение А. Ю. Лисицына о том, что «законодательство РФ позволяет на основе функционирования в одной комплексной информационной системе утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов организовывать обращение самых разнообразных цифровых активов, в том числе привязанных к денежным требованиям и физическим активам»¹⁵.

Еще одна проблема в области гражданско-правового регулирования отношений, возникающих по поводу цифровых прав, которая неоднократно поднималась цивилистами, усматривается из анализа ст. 141.1 ГК РФ и ст. 8 Закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ. Она связана с ограничением в части обращения к третьему лицу, в частности с нормой о возможности осуществлять, распоряжаться либо ограничить распоряжение цифровым правом исключительно в информационной системе, не обращаясь к третьему лицу. В этой связи совершенно справедливые вопросы ставит С. В. Сарбаш, обращая внимание на неясность того, чем же является право, которое оформлено в информационной системе, ведь субъекты гражданского права могут изъявить готовность предоставить благо разными способами — как через обращение к информационной системе, так и без такового: «Я уже приводил пример с договором банковского счета, где у человека есть альтернатива:

¹³ Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Указ. соч. С. 188.

¹⁴ Ч. 2 ст. 1 Закона о цифровых финансовых активах.

¹⁵ Лисицын А. Ю. Новое законодательство о цифровых финансовых активах: перспективы для банковского бизнеса // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. 2020. № 4. С. 4–17.

то ли взаимодействовать с банком посредством соответствующих программ, то ли отправиться в отделение банка. Разве мои права во втором случае перестают быть оформлены цифровым образом? Ведь в банке у владельца не потребуют ничего, кроме паспорта, но права как были в цифровой форме, так и остались. Почему законодатель ограничивает наши возможности? Или имелось в виду не это?»¹⁶. Вместе с тем некоторые цивилисты не наблюдают противоречий в такой формулировке и выделяют данное ограничение в качестве одного из основных признаков цифровых прав, позволяющих отграничивать их от других объектов гражданских прав. Так, Б. М. Гонгало и Л. А. Новоселова обращают внимание на особую систему учета прав — «отсутствие посредника, обеспечивающего передачу прав и отвечающего за правильность учетных данных в их статистике и динамике»¹⁷.

Цивилисты выделяют и ряд других проблемных вопросов в исследуемой сфере. Так, например, важное замечание относительно легального определения цифровых прав сделано А. В. Семеновым, который обращает внимание на выделение правомочия распоряжения из осуществления цифровым правом, «что заставляет предположить некий доктринальный поворот кодификаторов к соотношению этих понятий, поскольку ранее осуществление права включало в себя в том числе и распоряжение им»¹⁸. Некоторые авторы совершенно справедливо критикуют конструкцию ст. 141.1 ГК РФ, указывая на использование противоречивых понятий при формулировании легального определения цифровых прав, в котором законодатель определяет цифровые права через категорию «информационные системы», а не «цифровые системы», тем самым отождествляя их. В этой связи сложно не согласиться с утверждением А. В. Нестерова о начальном этапе легализации в нашей стране частных правоотношений

в цифровой деятельности путем закрепления в законодательстве дефиниции цифровых прав, «однако основные правовые категории: цифровая система, цифровой документ, цифровой продукт — не определены, что значительно затрудняет практикующим юристам понимание новелл, посвященных цифровым правам»¹⁹.

Как видим, дополнение гражданского законодательства нормой о цифровых правах привело к возникновению многочисленных дискуссий и вопросов, на которые предстоит ответить законодателю после столкновения с практикой разрешения споров, возникающих в новой цифровой реальности.

Учитывая скорость изменения общественных отношений, законодателю сложно угнаться за ним, и такое ограничение будет порождать множество проблем, связанных с неурегулированностью изменяющихся гражданско-правовых отношений. Специфической особенностью цифровых прав является тот факт, что в российском гражданском законодательстве существенно ограничен круг прав, которые могут быть отнесены к цифровым, по сравнению с зарубежными правовыми системами, что неизбежно порождает законодательно не урегулированные общественные отношения в частноправовой сфере, что, в свою очередь, порождает соответствующие проблемы и на практике. С другой стороны, появление самого понятия «цифровые права» в гражданском законодательстве России является положительным фактором на пути к урегулированию возникающих в условиях новой действительности частноправовых отношений.

Таким образом, несмотря на вполне обоснованную критику легального понятия цифровых прав и его содержания, сам факт появления в Гражданском кодексе Российской Федерации понятия «цифровые права», а значит, частного правового регулирования общественных отношений, возникающих по поводу цифровых прав, заслуживает позитивного внимания, поскольку

¹⁶ Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. И. [и др.]. Указ. соч.

¹⁷ Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Указ. соч. С. 188.

¹⁸ Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. И. [и др.]. Указ. соч.

¹⁹ Нестеров А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1 (07). С. 16.

свидетельствует о стремлении законодателя, пусть и не всегда опережающем действительность и своевременном, оперативно реагировать на объективные изменения, происходящие в праве и экономике в эпоху глобальной цифровизации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 2. — С. 179–192.
2. Лисицын А. Ю. Новое законодательство о цифровых финансовых активах: перспективы для банковского бизнеса // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. — 2020. — № 4. — С. 4–17.
3. Нестеров А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. — 2020. — № 1 (07). — С. 11–16.
4. Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. И., Генкин А. С., Сарбаш С. В., Асосков А. В., Семенов А. В., Янковский Р. М., Журавлев А. В., Толкачев А. Ю., Камелькова А. В., Успенский М. А., Крупенин Р. А., Кислый В. А., Жужжалов М. Б., Попов В. А., Аграновская М. А. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. — 2019. — № 5. — С. 31–54.
5. Петров Д. А., Попондопуло В. Ф., Силина Е. В. Товарные рынки в условиях цифровизации экономики // Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. — М. : Проспект, 2020. — С. 263–270.
6. Рожкова М. А. Цифровые права (digital rights) — что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? // Закон.ру. — 2020. 17 августа. — URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_digital_rights__chto_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni (дата обращения: 27.02.2022).
7. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. — М. : Проспект, 2020. — 640 с.

Материал поступил в редакцию 13 марта 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gongalo B. M., Novoselova L. A. Est li mesto «tsifrovym pravam» v sisteme obektov grazhdanskogo prava // Permskiy yuridicheskiy almanakh. — 2019. — № 2. — S. 179–192.
2. Lisitsyn A. Yu. Novoe zakonodatelstvo o tsifrovyykh finansovykh aktivakh: perspektivy dlya bankovskogo biznesa // Raschety i operatsionnaya rabota v kommercheskom banke. — 2020. — № 4. — S. 4–17.
3. Nesterov A. V. O tsifrovyykh pravakh i obektakh tsifrovyykh prav // Pravo i tsifrovaya ekonomika. — 2020. — № 1 (07). — S. 11–16.
4. Novoselova L. A., Gabov A. V., Savelev A. I., Genkin A. S., Sarbash S. V., Asoskov A. V., Semenov A. V., Yankovskiy R. M., Zhuravlev A. V., Tolkachev A. Yu., Kamelkova A. V., Uspenskiy M. A., Krupenin R. A., Kislyy V. A., Zhuzhzhlov M. B., Popov V. A., Agranovskaya M. A. Tsifrovye prava kak novyy obekt grazhdanskogo prava // Zakon. — 2019. — № 5. — S. 31–54.
5. Petrov D. A., Popondopulo V. F., Silina E. V. Tovarnye rynki v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki // Tsifrovoe pravo: uchebnik / pod obshch. red. V. V. Blazheeva, M. A. Egorovoy. — M.: Prospekt, 2020. — S. 263–270.
6. Rozhkova M. A. Tsifrovye prava (digital rights) — chto eto takoe i nuzhny li oni v Grazhdanskom kodekse? // Zakon.ru. — 2020. 17 avgusta. — URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_digital_rights__chto_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni (data obrashcheniya: 27.02.2022).
7. Tsifrovoe pravo: uchebnik / pod obshch. red. V. V. Blazheeva, M. A. Egorovoy. — M.: Prospekt, 2020. — 640 s.